

СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА «GOVERNANCE» КАК СПОСОБ СИММЕТРИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. В. Абраменко, Т. А. Подшибякина¹

В статье рассматривается проблема симметричности/асимметричности политической коммуникации в условиях сетевого взаимодействия акторов в системе политико-административного управления. Анализируется роль структуры governance в формировании симметричной политической коммуникации.

Governance предстает как особого рода коммуникативные отношения, служащие механизмом поддержания свободы и равенства, а также реализации диалога и кооперации, которые организуют политический процесс по типу симметрии взаимодействия политических субъектов. Симметричные коммуникативные отношения типа governance не иерархичны по своей природе. Они строятся целиком и полностью на коммуникативных моделях, выработанных акторами. В процессе коммуникации политические субъекты разрабатывают правила поведения и распределения ресурсов внутри сети, образуют определенный контекст политического взаимодействия, состоящий из набора приемлемых стратегий поведения и действий участников. Симметричный характер governance способствует появлению определенного сетевого этоса, ключевую роль в котором играют взаимная ответственность за реализацию политических целей и непрерывность процесса развития знания.

Исследуя сетевую структуру governance, авторы выделяют факторы, влияющие на развитие асимметричной политической коммуникации, такие как уровень взаимодействия акторов, характер режима управления в государстве, особенности политического дискурса, предписанная иерархичность системы управления. Значительное внимание уделяется механизмам функционирования политической коммуникации как системы, в частности, коммуникативной рекурсии и реверсии, а также информационно-коммуникативным технологиям, в частности e-governance, стратегическому менеджменту и моделированию.

Авторы приходят к выводу, что политические отношения по типу governance трансформируют политическую коммуникацию из канала для передачи информации в систему, воспроизводящую политические элементы посредством информационного обмена и через интеракции генерирующую саму себя.

Ключевые слова: сетевой подход, governance, симметричная/асимметричная политическая коммуникация.

¹ Абраменко Анна Васильевна – преподаватель кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета. Эл. почта: a.v.abramenko@list.ru.

Подшибякина Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета. Эл. почта: tan5@bk.ru.

Термин «сеть» — один из самых модных и широко используемых понятий не только в естественных, но и в гуманитарных дисциплинах. Сеть стала новой парадигмой в анализе любой сложной структуры (Kenis, Volker, 1991), будь то социальная, компьютерная или биологическая системы.

В политической науке теория сетей и сетевой подход получили развитие в середине 1960-х гг. Первые попытки определить, что представляет собой политическая сеть, были предприняты одновременно двумя трансатлантическими политическими школами как ответная реакция на изменение политических реалий, отражающих переход от отношений формальной иерархии и подчинения к неформальным группам интересов и расстановке сил. В США понятие «политическая сеть» стало составной частью теории политических подсистем. Именно они характеризовались как «сеть акторов, имеющих свои политические интересы и организующихся для целенаправленного влияния на политические программы и политическую систему в целом» (Enroth, 2011). Политическую сеть, таким образом, начали трактовать как «кластеры индивидуумов, которые эффективно принимают решения в подчиненной им области политики» (Ripley, Franklin, 1981). В этот же период в Великобритании политические сети стали рассматриваться через призму теории государственного управления как «стабильная сеть акторов, разделяющих общие интересы и взгляды в отношении определенных политических задач или областей» (Jordan, 1990).

Развитие сетевого подхода в политике привело к концептуализации самого понятия политической сети как «набора относительно стабильных взаимоотношений, по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразных акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая кооперацию наилучшим способом достижения общих целей» (Vorzel, 1997). Это также послужило толчком к введению других релевантных теоретических конструктов, одним из которых стало понятие *governance*. В узком смысле оно представляет собой самоорганизацию межструктурных сетей, характеризующихся взаимозависимостью, ресурсным обменом, наличием «правил игры» и существенной автономией от государства (Rhodes, 1997). Как отмечает М. Бевир (Bevir, Richards, 2009), *governance* возникает, когда два и более политических актора преследуют общий результат и работают вместе для его достижения. В широком смысле *governance* рассматривается как коммуникативные отношения в пространстве политической власти (Bang, 2003).

Governance как коммуникативные отношения предполагает, что политическая власть не всегда является инструментом для создания препятствий или ограничений, она также может содействовать или снимать запреты, выступая единственным механизмом осуществления принципов свободы и равенства в обществе. Именно поэтому реализация диалога и кооперации становится решающим критерием для оценки успеха *governance*. По мнению З. Баумана

(Bauman, 2001), governance создает почву для новых моральных практик в обществе, когда реализация политической свободы каждым индивидом выступает экзистенциальным и этическим проектом, напрямую связанным со стремлением к обретению идентичности. Governance, таким образом, отходит от общепринятого взгляда на политическую власть как иерархического, единообразного и суверенного образования, взамен предлагая рассматривать ее как коммуникативные отношения, позволяющие артикулировать обязательные решения и действия в определенной области политики. Политическая власть больше не ассоциируется только с отношениями подчиненности и односторонним контролем, а воспринимается также как сеть политической коммуникации, где политические институты и отдельные индивиды соединены в разнообразных, основанных на взаимности бинарных отношениях автономности и зависимости. Коммуникативные отношения типа governance не иерархичны по своей природе. Строясь на принципе взаимозависимости, отношения по типу governance формируют в политическом пространстве области симметричной коммуникации.

Первоначальное взаимодействие членов политической сети продиктовано взаимной зависимостью от ресурсов каждого из субъектов, которые являются необходимым условием для реализации политических целей акторов и в то же время обладают ограниченной взаимозаменяемостью, тогда как дальнейшее осуществление governance строится целиком и полностью на коммуникативных моделях, выработанных акторами. В процессе коммуникации политические субъекты разрабатывают правила поведения и распределения ресурсов внутри сети, образуют определенный контекст политического взаимодействия, состоящий из набора приемлемых стратегий поведения и действий участников. Политические взаимодействия такого рода могут быть названы «играми» (Crozier, 2006). Во время «игры» каждый из субъектов имеет собственные представления о характере политической задачи или проблемы, о способе ее решения и о других акторах в сети. На основе этих представлений субъекты выбирают определенную стратегию поведения. Исход игры зависит от взаимодействия стратегий различных игроков. Чем более сложным оно будет, тем больше выигрыша получит каждый из акторов. Таким образом, сама сущность политической коммуникации трансформируется.

Традиционно система политической коммуникации представлялась как конструирование, распространение и прием политической информации для реализации различных политических целей. При таком подходе политическая коммуникация рассматривалась в роли средства или канала, по которому происходит передача и/или обмен сообщениями. Информационные сообщения передавались по линейному закону от отправителя к получателю с презумпцией того, что смысл сообщения оставался сохраненным. При такой линейной логике роль коммуникации в сохранении и развитии политической системы девальвировалась.

Переосмысливая политическую коммуникацию, сторонники сетевого подхода исходят из утверждения того, что, будучи сетью, политическая коммуникация не только воспроизводит политические элементы, осуществляя информационный обмен между ними, но и прямым образом влияет на развитие политической системы. Формальные роли отправителя и получателя политической информации размываются, взаимодействие между ними начинает носить многосторонний характер, который, однако, не обязательно предполагает равенства. Сама посылаемая информация больше не представлена лишь «смыслом», вложенным в нее отправителем, а конструируется через специфическое взаимодействие между двумя сторонами.

Политическая коммуникация превращается в аутопозисную систему (Luhmann, 1992), т.е. такую систему, элементы которой рекурсивно, через свои интеракции генерируют и реализуют ее саму. Идея рекурсии является ключевой для понимания политической коммуникации как аутопозисной системы. В общем виде рекурсия может быть представлена как процесс определения чего-либо на основе самого себя. Согласно Р. Еспейо (Espayo, 2004), рекурсивные образования основываются на «эффективном участии» — процессе, в котором коммуникативные взаимодействия производят организационные структуры и в то же время создают пространство для самих коммуникативных взаимодействий, делая, таким образом, процесс изобретения и самоконструирования бесконечным. Э. Морин (Morin, 1996), определяя различие между линейной и рекурсивной коммуникацией, замечает, что рекурсия намного больше, чем эффект обратной связи, она есть «петля производства, в которой продукты и сами эффекты производят и вызывают то, что производит их...». Принцип рекурсии, следовательно, позволяет рассматривать динамику и изменения в системе политической коммуникации в ее собственных терминах и/или ценностях.

Следующей важной характеристикой системы политической коммуникации является ее замкнутость. Политическая коммуникация как система устанавливает свои границы не в результате воздействия внешних причин, а посредством внутреннего выбора — внутренних усилий, целенаправленных на самоограничение. Взаимоотношения между элементами такой системы всегда носят симметричный характер, и сама политическая коммуникация, следовательно, становится симметричной. Это значит, что в процессе ее осуществления каждый выбор системы является открытым, получает ответную реакцию от элементов системы, а затем вновь возвращается в обратном направлении, происходит коммуникативная реверсия. Н. Луман (Luhmann, 1992) так поясняет смысл коммуникативной реверсии: «Человек, который передает информацию, дает директивные указания получателям, отменить которые возможно только в том случае если сами получатели начнут воспроизводить свою собственную информацию, то есть начнут действовать».

Можно выделить ряд факторов, нарушающих механизмы функционирования политической коммуникации как системы, элементы которой взаимодействуют на основе принципа симметрии, их действие наиболее наглядно проявляется при внедрении принципов governance в область политической практики. К таким факторам можно отнести предписанную асимметричность взаимодействия субъектов, содержащуюся в самих концептах управления, реализующихся посредством административных реформ; тип взаимодействия акторов — горизонтальный или вертикальный; характер режима управления в стране; особенности политического дискурса по проблемам взаимодействия государства и гражданского общества, необходимости отказа от принципа иерархичности системы управления.

М. Бевер (Bevir, 2013) выделяет три основных теоретических подхода к проблеме сетевого взаимодействия акторов в системе политико-административного управления: управление сетью, metagovernance, управление без правительства. Каждый из них по нашему мнению, основан на различных принципах, от которых зависит симметричность коммуникации.

Первый подход с наивысшей степенью асимметричности коммуникации, опирающийся на принципы управления сетью, исследователи связывают с результатами проведения неолиберальных реформ в государственном управлении, предусматривающих заключение договоров на поставку различных услуг населению, влияющих на формирование новой политики «рынков и сетей». В результате расширилось участие государственных учреждений в оказании услуг населению и возросло их влияние на увеличивающееся число самостоятельных частных субъектов. Особенность управления сетью заключается в рассредоточении государственной власти среди самоорганизующихся сетей, состоящих из различных структур гражданского общества, общественных и частных организаций (Bevir, 2013). Вследствие этого процесса на практике произошла функциональная дифференциация современного государства и маркизация государственного сектора при доминировании государства в сетевых взаимодействиях.

Второй подход, metagovernance, не оспаривая идею сдвига от бюрократии к рынкам и сетям, ставит под сомнение потерю доминирования государственной властью. Metagovernance — способы государственного управления, сочетающие потенциал руководящих структур и инструменты косвенного контроля сетевого взаимодействия. Концепция metagovernance описывает роль государства и его характеристики, принципы и механизмы управления в новом для него поле сетевого управления, в котором управление распределяется между множеством различных частных, общественных, государственных акторов, становится фрагментарной и децентрализованной среди множества сетей. Роль государства смещается от прямого управления обществом посредством бюрократии к

metagovernance из нескольких видов косвенного вмешательства и регулирования деятельности субъектов, имеющих свои интересы (Bevir, 2013).

Концепция metagovernance исходит из того, что государство продолжает осуществлять эффективный контроль над другими организациями, играет значительную роль в обеспечении координации в управлении, в частности, с широким использованием неформальных способов управления. Metagovernance как способ управления предполагает, что государство меньше предоставляет услуги непосредственно, действуя через бюрократические организации, а больше действует, регулируя сеть организаций, которые предоставляют такие услуги. Государство регулирует деятельность организаций, воздействующих на функционирование гражданского общества, поскольку не может применять бюрократические инструменты управления в отношении к самостоятельным, автономным образованиям негосударственного сектора. Направляющая роль государства проявляется в установлении правил игры для всех субъектов отношений, в организации диалога между субъектами, позволяющего последовательно защищать их интересы.

Е. Серенсен и Я. Торфинг (см.: Bevir, 2013) выделили четыре теории metagovernance: теорию взаимозависимости, управляемости, интеграции и системы управления. Теория взаимозависимости фокусируется на регулировании управляемой сети с помощью косвенных политических инструментов. Теория управляемости построена на противоречиях в управлении сетью, связанных со скрытой иерархией. Теория интеграции раскрывает управление через идентичность акторов. Теория власти фокусируется на регулировании и саморегулировании посредством норм, стандартов и целей, которые устанавливают пределы сетям.

Третий подход, максимально учитывающий равноправие акторов, представлен теорией государственной децентрализации, однако и он отрицает переход от государственного управления к сетевому самоуправлению, опираясь на тезис о том, что государство представляет собой «управление без правительства». Государство рассматривается как результат различных социальных практик и действий политической борьбы элит и социальных акторов, определяемых конкуренцией и сложившимися традициями.

Теория децентрализации рассматривает социальную конструкцию государства, в которой отдельные акторы могут осуществлять социально значимые действия, что в принципе изменяет концепцию государства. Новая концепция исходит из того, что индивиды могут влиять на формы правления, институты и нормы, исходя из своей социальной логики, традиций, понимания происходящего, нарративов. Теория децентрализации показывает, что управление снизу вверх возникает как конфликт убеждений, а конкурирующие традиции приводят к разнообразным практикам. Децентрализованный подход заменяет объективные социальные закономерности нарративами, которые объясняют

действия людей, исходя из их убеждений и желаний. Данный подход позволяет исследовать различные способы, при помощи которых акторы изменяют границы государства и гражданского общества через социальные практики.

Искажение симметричных коммуникативных процессов происходит также через механизмы реализации концептов управления в политической практике. В политической деятельности политическая коммуникация как система, формирующая политическую реальность, находит отражение в коммуникативных стратегиях, под которыми мы будем подразумевать выбор форм взаимодействия субъектов управления при реализации различных управленческих проектов. По типу коммуникативной среды их можно условно разделить на управленческие и информационные.

Управленческие коммуникативные стратегии по типу взаимодействия субъектов дифференцируются на иерархические и сетевые. В основе иерархической стратегии лежат принципы командно-административной системы управления, а выстраивание сетевой модели происходит через систему самоуправления. Коммуникационная информационная стратегия направлена на повышение эффективности и системности принятия управленческих решений администрациями разных уровней посредством создания единой информационной системы. Ее созданию препятствуют сохранение ведомственного подхода к информационным ресурсам, недостаток информации, длительные сроки доступа к ведомственным документам и аналитическим данным.

Применительно к политико-управленческим сетям чаще используется в практическом значении понятие «соучастие», или «соуправление». Концепт «соуправление» тесно связан с понятием «режим управления». Абсолютным преимуществом соуправления как режима управления являются открывающиеся возможности институционализации взаимоотношений государства и гражданского общества, что изменяет саму систему администрирования, основанную на иерархическом подчинении, нормах и регламентах. Для режима соуправления характерно появление новых форм, таких как работа в совместных комиссиях, форумах, конференциях, советах, заседаниях гражданских и государственных структур, свободный доступ и обмен информацией. Соуправление позволяет гражданам оказывать влияние на принятие управленческих решений не от случая к случаю, а институционально, действуя на постоянной основе, используя политические нормы и административные правила, придающие взаимодействию структурированность и функциональность.

В политическом дискурсе по проблемам взаимодействия государства и гражданского общества governance прежде всего рассматривается как практика управления, представляющая собой механизм представления и защиты интересов гражданского общества на государственном уровне. Политический характер и острота проблемы взаимодействия объясняется дисперсией власти, перераспределением функций государства между государством и негосудар-

ственными акторами. Ключевая роль в этом процессе принадлежит информационно-коммуникативным технологиям, которые могут быть эффективными при условии институционализации сети, т.е. наличии организованных структур и устойчивых отношений; наличии центра сетевого взаимодействия, налаженного обмена информацией.

Одной из таких информационно-коммуникативных технологий, получившей повсеместное распространение, следует считать e-governance, или электронное правительство. Как отмечает Л. В. Сморгунов, «идея электронного правительства находит применение в публичном управлении в том аспекте, который активно развивается с конца 1990-х годов» (Сморгунов, 2005). Этим аспектом, по мнению отечественного политолога, выступает трансформация публичного управления в связи с преобразованием информационного общества в общество знания, которое актуализирует коммуникативные компоненты политического взаимодействия.

В обществе знания коммуникация понимается не как совокупность каналов передачи информации, а как «процесс формирования разделяемых участниками организации ментальных моделей» (Сморгунов, 2005), способствующий появлению определенного сетевого этоса структуры governance. В этом смысле именно симметричная политическая коммуникация выступает основой для развития таких нравственных регулятивных идей сетевой структуры governance, как: взаимная ответственность за реализацию политических целей, следование общественному благу и сотрудничество государственных и негосударственных политических субъектов, взаимное доверие в процессе обмена знаниями, непрерывность процесса обучения и развития знания, а также ряда других, без которых подлинно сетевое взаимодействие и достижение результатов в публичной сфере становятся весьма проблематичными.

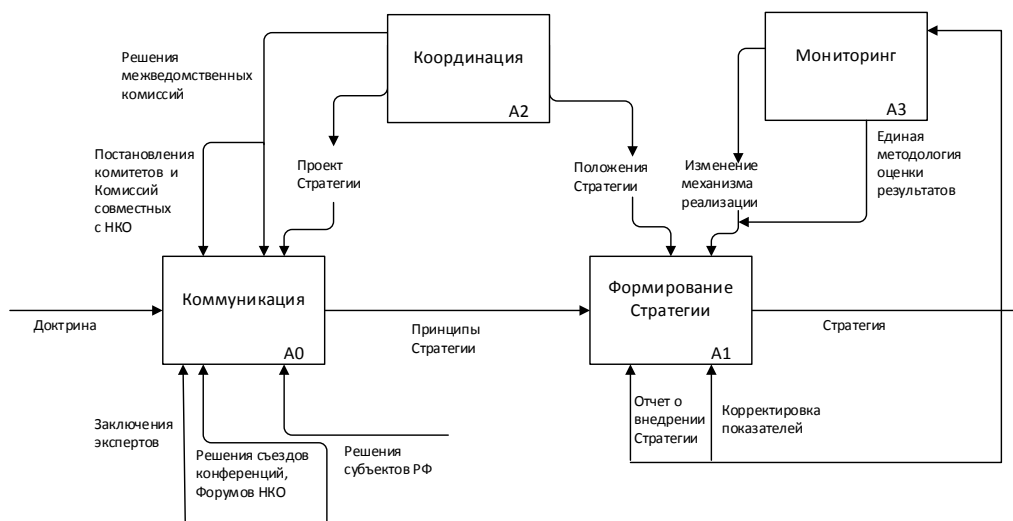
Электронное правительство выступает одной из ключевых технологий, позволяющих поддерживать одновременно три направления коммуникации: «правительство — правительство», «правительство — бизнес», «правительство — граждане» (Сморгунов, 2005). Развитие основных элементов электронного правительства, в частности, электронной демократии, электронных производственных сетей и электронных общественных услуг, расширяют пространство симметричной политической коммуникации, включая в него кроме государственных политических акторов и негосударственные.

Одним из направлений, оказывающих влияние на политическую коммуникативную практику, является сетевой менеджмент. Существует множество подходов к анализу сетевого менеджмента как элемента симметричной политической коммуникации в структуре governance, во многом это определяется уровнем управления сетевыми процессами и составом участников сетевой структуры. Мы предлагаем рассмотреть закономерности процесса governance при принятии стратегических решений в сфере отраслевой политики на примере модели

сетевого взаимодействия субъектов политики и формирования стратегии развития морской деятельности. Этот пример показателен, так как, в отличие от многих других отраслей производства, мировая морская или океаническая политика разрабатывается сегодня на основе принципов governance, максимально учитывающих интересы стейкхолдеров, т.е. всех заинтересованных групп. В России в ходе проведения административной реформы только начали внедряться некоторые элементы соуправления через создание морской коллегии, агентств, постоянно действующих комиссий, комитетов для взаимодействия со структурами гражданского общества и гипотетически можно предположить, что это отражается на симметричности процесса коммуникации.

При создании модели были использованы преимущества основных принципов системы менеджмента качества, широко применяемой в производственной и административной сфере для получения на выходе процесса управления качественных товаров и услуг, и технологии моделирования IDEF0, позволяющей воспроизвести структуру связей административных организаций и организаций гражданского общества не в виде привычной иерархии, а как совокупность сетевого взаимодействия.

Модель, представляющая собой совокупность функциональных блоков, переводит «входные» параметры в «выходные». На «вход» поступает исходная информация, содержащаяся в Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 года (Доктрина), документе политического характера, определяющем политические цели и задачи по их достижению, участников морской деятельности. На «выходе» процесса мы получаем Стратегию развития мор-

Модель сетевого взаимодействия субъектов политики в процессе формирования стратегии развития морской деятельности

ской деятельности Российской Федерации до 2030 года (Стратегия), документ, прописывающий механизм реализации политических установок (см. рисунок).

Функциональный блок «Коммуникация» преобразует положения Доктрины в принципы Стратегии. Функциональный блок А0 производными имеет функциональные блоки А1, А2, А3 и служит для них контекстным основанием. На «выходе» из блока мы получаем результат в виде основных принципов Стратегии, сформулированных в процессе коммуникации между участниками процесса, они же являются информацией, получаемой на «входе» в функциональный блок А1.

Вертикально ориентированные стрелки блока «Коммуникация» — это стрелки управления, ответственные за выполнение блоком предписанных ему функций. Как мы видим, в равной степени представлены и решения, принимаемые структурами гражданского общества, носящие скорее рекомендательный характер, и решения институтов власти и сотрудничающих с ними на постоянной основе бизнес-организаций. Таким образом, можно утверждать, что на стадии формирования принципов Стратегии к обсуждению были допущены многие заинтересованные организации, что позволяло легитимировать и саму Морскую доктрину.

Комбинированные стрелки «выхода» и управления функционального блока «Мониторинг» отражают взаимодействие субъектов управления регионального и федерального уровней, а вот влияние структур гражданского общества при реализации этой функции отсутствует. Объясняется это тем, что нет институализированных форм взаимодействия, кроме системы экспертной оценки принятия решений, которые обеспечивали такое участие на постоянной основе, в отличие от функции «коммуникация» (Подшибякина, 2014).

Обобщая, можно утверждать, что коммуникативные связи и взаимодействия участников процесса формирования стратегии интенсивны на этапе выработки морской политики и стратегии, но недостаточны на стадии мониторинга хода реализации принятых документов, что отражается на своевременной корректировке выполнения принятых решений. Основная причина: смешение элементов старой (иерархической) и новой (сетевой) моделей управления, недостаточная институционализация взаимодействия основных участников процесса управления. В России отсутствует Закон об основах государственно-частного партнерства, который бы стал нормативной базой для дальнейшей институционализации взаимодействия крупного и среднего бизнеса, общественных организаций и власти.

Симметричность политической коммуникации в сетевом взаимодействии обеспечивается совокупностью вертикальных и горизонтальных связей между субъектами, поддерживающей равновесие всей политической системы. Асимметричность политической коммуникации возникает прежде всего в системе вертикальных связей и отношений, зависит от того, на каком уровне

происходит взаимодействие: микро-, мезо- или макроуровне. Чем выше уровень, тем больше вероятность доминирования государства как актора сетевых коммуникаций. В настоящее время появляются и новые категории, такие как multi-level governance, отражающие изменения в государственном управлении в условиях глобализации. Вопреки ожиданиям дальнейшего сближения статуса участников на принципах равноправия, в контексте процесса глобализации выдвигается тезис о постсоуправлении (post-governance) и усилении роли государства как основного актора.

Таким образом, преимущество сетевого подхода к анализу современной политической коммуникации представляется в отступлении от конвенциональных рамок рассмотрения данного явления. Сетевой подход позволяет переориентироваться от изучения информационных сообщений (masses) и эффектов, которые они производят на политическую реальность, в сторону политической коммуникации как системы, формирующей саму политическую реальность. Переосмысление политической коммуникации в рамках концепта governance предлагает новый взгляд на анализ возникающих паттернов современной политики, побуждает задуматься, насколько разнообразные и взаимно соразличные политические элементы взаимодействуют в рамках единой политической системы.

Библиографический список

1. Подшибякина, Т. А. (2014). Модель сетевого взаимодействия субъектов политики в процессе формирования стратегии развития морской деятельности. *Инженерный вестник Дона*, (3), 1-13.
2. Сморгун, Л. В. (2005). Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы. *ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза*, (2), 213-225.
3. Bang, H. P. (Eds.) (2003). *Governance as social and political communication*. Manchester University Press.
4. Bauman, Z. (2001). *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge Polity Press.
5. Bevir, M. (2013). *A theory of Governance*. University of California Press.
6. Bevir, M. & Richards, D. (2009). Decentering policy network: a theoretical agenda. *Public administration*, 87 (1), 3-14.
7. Borzel, T. (1997). What's So Special About Policy Networks? An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance. *European Integration online Papers (EIoP)*, 1 (16), 1-24.
8. Crozier, M. (2006). Rethinking political communication as recursive governance. Retrieved from http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5240.pdf.
9. Enroth, H. (2011). Policy network theory. In M. Bevir (Eds.) *The SAGE handbook of Governance* (pp. 19-36). London: SAGE publications Ltd.
10. Espeyo, R. (2004). The footprint of complexity: the embodiment of social systems. *Kybernetes*, 33 (3/4), 671-700.

11. Jordan, G. (1990). Sub-governments, policy community and network: refilling the bottles? *Journal of theoretical politics*, 2 (3), 319-338.
12. Kenis, P. & Volker, S. (1991). Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. In B. Marin, R. Mayntz (Eds.). *Policy networks: empirical evidence and theoretical considerations* (pp. 25-62) Boulder/Frankfurt: Campus/Westview Press.
13. Luhmann, N. (1992). Autopoiesis: What is communication? *Communication Theory*, 2 (3), 251-259.
14. Morin, E. (1996). A new way of thinking. *UNESCO Courier*, 49 (2), 10-14.
15. Rhodes, R.A. W. (1997). *Understanding governance: policy network, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham: Open University Press.
16. Ripley, R. & Franklin, G. (1981). *Congress, the bureaucracy and public policy*. Homewood, IL: Dorsey.

Статья поступила в редакцию 20.06.2014.

.....

NETWORK STRUCTURE «GOVERNANCE» AS A METHOD OF SYMMETRICAL POLITICAL COMMUNICATION

A. V. Abramenko, T. A. Podshibyakina

Anna Vasilievna Abramenko, lecturer of the Chair of Conflict Resolution Studies and National Safety, Southern Federal University. E-mail: a.v.abramenko@list.ru.

Tatiana Aleksandrovna Podshibyakina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Docent of the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University. E-mail: tan5@bk.ru.

The article is focused on the symmetry/asymmetry of the political communication in the conditions of the network interaction of the actors in the system of the political administration. The role of the structure "governance" for the formation of the symmetrical political communication is analyzed.

Governance appears as communication of a special type, being a mechanism of keeping freedom and equality as well as implementing dialogue and cooperation which organize the political process following the model of political subjects»interaction symmetry. The symmetrical communication of the governance type is not hierarchic by its nature. It is entirely built according to the communication patterns, produced by the actors. Communicating, political subjects produce the rules of conduct and resource allocation within the network and create a certain context of the political interaction, consisting of a set of reasonable conduct strategies and actions of the participants. The symmetrical nature of governance furthers the appearance of a special network ethos, in which the mutual responsibility for the accomplishment of political purposes and the continuity of the knowledge development play the key role.

Studying the network structure "governance", the authors identify the factors, influencing the development of the asymmetrical political communication, e.g., the level of the actors»interaction, nature of the administration form in a state, the peculiarities of the political discourse, and the prescribed hierarchy of the administration system. The significant attention is focused on the mechanisms of the functioning of the political communication as a system, particularly, communicative recursion and reversion, and information and communication technologies, especially, e-governance, strategic management and modelling.

The authors have concluded that the political relationship of the governance type transform the political communication from a channel for the information transfer into the system,

producing the political elements by means of an information exchange and interaction and generating itself.

Key words: network approach, governance, symmetrical/asymmetrical political communication.

References

1. Bang, H. P. (Eds.) (2003). *Governance as social and political communication*. Manchester University Press.
2. Bauman, Z. (2001). *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge Polity Press.
3. Bevir, M. (2013). *A theory of Governance*. University of California Press.
4. Bevir, M. & Richards, D. (2009). Decentering policy network: a theoretical agenda. *Public administration*, 87 (1), 3-14.
5. Borzel, T. (1997). What's So Special About Policy Networks? An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance. *European Integration online Papers (EIoP)*, 1 (16), 1-24.
6. Crozier, M. (2006). Rethinking political communication as recursive governance. Retrieved from http://paperroom.ipso.org/papers/paper_5240.pdf.
7. Enroth, H. (2011). Policy network theory. In M. Bevir (Eds.) *The SAGE handbook of Governance* (pp. 19-36). London: SAGE publications Ltd.
8. Espeyo, R. (2004). The footprint of complexity: the embodiment of social systems. *Kybernetes*, 33 (3/4), 671-700.
9. Jordan, G. (1990). Sub-governments, policy community and network: refilling the bottles? *Journal of theoretical politics*, 2 (3), 319-338.
10. Kenis, P. & Volker, S. (1991). Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. In B. Marin, R. Mayntz (Eds.). *Policy networks: empirical evidence and theoretical considerations* (pp. 25-62) Boulder/Frankfurt: Campus/Westview Press.
11. Luhmann, N. (1992). Autopoiesis: What is communication? *Communication Theory*, 2 (3), 251-259.
12. Morin, E. (1996). A new way of thinking. *UNESCO Courier*, 49 (2), 10-14.
13. Podshibyakina, T. A. (2014). Model' setevogo vzaimodejstviya sub'ektov politiki v processe formirovaniya strategii razvitiya morskoy deyatel'nosti [Model of the network interaction of the political subjects during the strategy elaboration of the maritime activity]. *Inzhenernyj vestnik Dona [Engineering Bulletin of the Don region]*, (3), 1-13.
14. Rhodes, R.A. W. (1997). *Understanding governance: policy network, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham: Open University Press.
15. Ripley, R. & Franklin, G. (1981). *Congress, the bureaucracy and public policy*. Homewood, IL: Dorsey.
16. Smorgunov, L. V. (2005). Elektronnoe pravitel'stvo, menedzhment znaniya i administrativnye reformy [Electronic governance, knowledge management and administrative reforms]. *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza [POLITEKS: Political expertise]*, (2), 213-225.